

Из воспоминаний Антроповой Зои Аркадьевны, шофера 237-й стрелковой дивизии 691-го артиллерийского полка. 1985 г.

Помню густой лес, и называли это место Дубляны. Стояли мы на отдыхе. Полк ожидал пополнение. Но, вероятно, не один наш полк, а вся дивизия. Рядовому составу совершенно неизвестно было о планах командования. Мы знали свой дивизион или батарею, санчасть, своих товарищей. Житье наше было горем и счастьем. Одним словом боевая семья. Все заняты, дел по горло. Шла напряженная подготовка к новым боевым действиям. Пилили лес, строили землянки, чистка и ремонт орудий, мытье и профилактика автомашин. Один красноармеец обнаружил пчел у небольшого дубка. Подошел, а там отверстие 20 см от земли. Пчелы то туда, то сюда из своего домика, вероятно, на ночлег готовились. Красноармеец позвал товарищей, потолковали и после своего совещания определили, что в этом дубе есть мед. Быстро принесли пилу и начали пилить. Сколько невероятно трудного времени тянулось с повалом дерева, а чтобы пчелы прекратили суету, закрыли дупло плащпалаткой. Когда дубок упал, пчелы разлетелись. У солдат не было предела восхищения от такой находки. Как по

тянулось с повалом дерева, а чтобы пчелы
прикрыли улету, закрыли дупло плащ-
палаткой. Когда дубок упал, пчелы раз-
летелись. У солдат не было придела
восхищения такой находки. Как по сигналу
ракеты, дубок был уже облеплен толпой.
С грохотом артиллеристы выкатили свои
снаряжения на позицию улья.
Представьте на одну минуту, такую
картину.
Жито ложкой, кто кружкой, кто соты вы-
нимает и тут же с таким яростным
наслаждением облизывает. В то же время
пчелы наседали на своих разорителей. От них
только пилотками отмахивались. Руки то и
дело вверху гуляли, да и словечки выпускали
громкие из своих уст. Но самое главное
никто ни на кого не обращал внимания, ведь
меда всем хотелось. Когда наелись меда,
как говорится - от пуза, стали обращать
внимание друг на друга. Артподготовкой
раздался смех, как на берегу юмора
грянул хохот. Жито...

сигналу ракеты, дубок был уже облеплен толпой. С грохотом артиллеристы выкатили свои снаряжения на позицию улья. Представьте на одну минуту такую картину: кто ложкой, кто кружкой, кто соты вынимает и тут же с таким яростным наслаждением облизывает. В то же время пчелы наседали на своих разорителей. От них только пилотками отмахивались. Руки то и дело вверху гуляли, да и словечки выпускали громкие из своих уст. Но самое главное, никто ни на кого не обращал внимания, ведь меда всем хотелось. Когда наелись меда, как говорится от

пуза, стали обращать внимание друг на друга. Артподготовкой раздался смех, как на вечере юмора гремел хохот. Кто кривой, кто косой, кто с флюсом, а иного вообще не узнать. Совершенно не чувствовали боли во время такой схватки с пчелами. Зато полное ведро меда набрали. Поздно вечером заметили, как на верхушке соседнего дерева пчелы в клубок свернулись, и кто-то с сожалением сказал: «Да они погибнут!».

Наступила ночь, но о сне не могло быть речи, лечились, кто как мог. Этот случай многие наши помнят. Очевидцем я была этой картины по случаю моего поста у бочек с бензином. Мне тоже кусок соты дали, и я была с раздутым носом и глазом не очень.

А наутро объявили, что новый командир полка прибывает, а нашего на повышение командующим артиллерии дивизии назначили.

Во второй половине дня кто-то крикнул: «Едет!». Я в то время мыла машину и одета была не по форме. У гимнастерки расстегнут ворот, ремень через плечо, как португеза и без пилотки. Подъехали, молодой красивый командир в сопровождении замполита и начальника штаба. Командир спрашивает: «Кто это?». А я вытянулась, руку под козырек, была, конечно, моя большая оплошность в тот момент, я же без головного убора и докладываю: «Красноармеец Антропова на мытье машины». Он смотрел на меня и сказал: «Да, крепкая дисциплина и красивая девушка. Откуда Вы родом?». Я сказала, что из Томска. По его лицу плыла радостная, счастливая улыбка, и говорит: «А я окончил ваше Томское артиллерийское училище в начале, вернее, в мае 1941 года». Так произошла моя встреча и знакомство с Тоболовым Григорием Михайловичем.

А впереди Карпаты, и все дороги вели к перевалу. Были сильно укрепленные позиции противника, который занимал высоты, тропы ущелий, минные поля кругом. Все время стоял туман, и шли непрерывные дожди. И казалось, что эти горы недоступны. Приходилось продвигаться такими узкими тропами, видно порой только затуманенное небо, и как будто нет ничего живого за этими злыми горами. Условия для прохода

машин, орудий почти невозможные. Продвижение шло в сложнейших условиях. Дороги разбиты, размыты. Немцы то и дело открывали минометный огонь, а пулеметные очереди беспрерывно цокали. Гитлеровцы все время бросали на нас новые живые силы, зловещие контратаки, технику. Они думали сломить здесь, в Карпатах, русский дух, что Красной Армии не преодолеть этих высот, их рубежей, а мы высоту за высотой, где в обход, а где и напролом, отвоевывали. Причем такой дорогой ценой. Сколько погибло наших ребят, сколько раненых, сколько выведено из строя орудий, машин. Мне запомнилось то, что в Карпатах наша артиллерия вела бои в открытых долинах. Подчас орудие выкатывали на прямую наводку. Орудия на себе тащили под «раз-два, взяли». Снаряды на плечах подтаскивали, мужчины по два, а мы, девочки, по одному, вес у снаряда приличный, ноги скользят, то и смотри - вниз полетишь, тогда уже косточек не собрать. Сапоги разорвались, пальцы торчат. У меня на одной ноге было только голенище, подошва отлетела, кровь сочилась из ног, и куда в то время исчезла девичья нежность, вместо нее суровое лицо в солдатской шинели.

Мужество сибиряков, мастерство, солдатская смекалка, как в едином яйце собрано было в каждом, и трудно выделить кого-либо в этих боях. [...] Сражались все смело и отважно, отдавая все свои силы, все свое человеческое умение, а самое главное - любовь к Родине.

Бывало, выпадало время при наступлении ночи, в каком-нибудь домишке или избушке, где и печи невозможно разжечь, потому что они топились по-черному. Заходил солдат, сваливаясь с ног, и спал мертвецким сном. Нельзя, бывало, войти в ту избу, пар стоял, как в бане, а от смрадного воздуха сейчас бы упал в обморок. Промокшие до нитки, не снимая сапог, не раздеваясь, спали, так сказать, навалом, прижимаясь друг к другу, и этим немного согревались и чуть-чуть просыхали. Я старалась свой ночлег устраивать под повозкой, дрожишь в полузабытом сне, а

солома, которую принесешь, не очень-то согревала. Сейчас я удивляюсь, почему в то время не было больных?

А сколько было сил в организации командиров, политработников. На плечах лежала огромная работа, как боевая, так и политическая. Малейший привал или затишье боев - и тут же читка боевых листков, газет «Сталинский удар». Обсуждение хороших, смелых, удачных боевых действий той или иной батареи или в целом дивизиона. У нас был секретарь комсомола полка ст. лейтенант Саша Александров, так он успевал не только поговорить с целым расчетом батареи, даже с каждым комсомольцем. Сколько нужно было подготовить материала, сколько энергии было в этом человеке. Всегда подтянут, всегда в настроении, всегда веселый. Говорил: «Дорогие мои ребята и девчата, комсомолец – это смелость, храбрость. Вы должны быть примером для всех бойцов, всегда быть впереди!».

В Карпатах, на одной из дорог, саперы вели разминирование, обозначив флажками. По этой узкой дороге, нужно проехать. Командир полка Тоболов Г. М. приказал продвижение и быструю подброску боеприпасов. Ст. лейтенант Уколов кричал: «Вперед! Вперед!».

Мужчины-шоферы что-то заколебались. Тогда я вскочила на крыло первой машины, крикнула своей подруге Наде Ивановой: «Садись за руль!». Пошла машина, а сама стала Наде кричать: «Вправо руля, влево руля! Вправо руля, влево руля!». И так мы проехали эту страшную дорогу. Быстро подвезли боеприпасы. Конечно, трудно было шоферу вести машину почти ювелирно, вслепую по этой дороге, а нашу сообразительность никто и не заметил. Позднее разобрались. Но в то время мы уже были не шоферами, а санинструкторами. Девочек война научила раны перевязывать. Военный врач капитан Зинаида Георгиевна Кожакова рассказывала и показывала, как нужно умело и быстро оказывать помощь раненому. А у меня за плечами двухгодичное медучилище. Но в дивизию, вернее в 691 артполк, прибыли как шоферы. Было нас трое: Надя Иванова,

Валя (Артемова) Бабий и я. Вот три шофера-девочки в полку, да и во всей дивизии. На фронте не знали - то ли шофер, то ли санинструктор. А через некоторое время нас медалью «За отвагу» наградили.

Трудно, очень трудно вспоминать о военном тяжелом времени, горько до слез, как на твоих руках умирали дорогие товарищи, твои ровесники. [...]

Через 34 года встретились с командиром полка – генерал в отставке Григорий Михайлович Тоболов прибыл в 12 ночи на встречу. Так мы впятером: Григорий Михайлович Тоболов, комбат Григорий Иванович Хромушин, Валентина Прокофьевна (Артема) – Бабий, Надежда Антоновна Иванова и я. Все мы сидели до пяти утра, усталости не было и сна тоже. Вспоминали Карпаты, вспоминали товарищей, которые сложили свои головы здесь, в Карпатах. Григорий Михайлович вспомнил, как в одном бою, Григорий Иванович Хромушин оставил одно орудие у немцев. Тоболов приказал, чтобы орудие за ночь было в расположении батареи, орудие было к утру на месте. Я вспоминала, какие кровопролитные шли бои за высоту «Плаш». У нас там был смертельно ранен лейтенант связи, только что прибывший в наш полк перед Карпатами. Когда крикнули меня, я подбежала, лежал полумертвый человек. У него осколком мины отрезаны были все ребра правой стороны, видно как чуть-чуть поднимается легкое при вдохе. Перевязывая его, я плакала, мои крупные слезы катились ему на грудь, а его устремленный взгляд был уже мертвым. На этой высоте мы его похоронили. На дощечке написали: «лейтенант связи – погиб смертью храбрых». Фамилии его не знали. Таких могил в Карпатах много.

Вспоминали Одер, апрельские дни. Помню, на рассвете я была направлена в район НП на дежурство. Шоссейный мост был взорван. Саперы пробрасывали переправу метров 300-400 от моста. Шла я не одна, с поваром командира полка. В это время фашисты открыли артогонь. Снаряды со свистом падали, то перелетая, то не долетая до нас.

Я и Семен, фамилию его забыла, почти полдороги катились катком, перекасти поле с боку на бок. Он с термосом, у меня сумка полная с бинтами. Головы поднять нельзя. Мы, как на ладони были, у фашистов, а они особенно открыли огонь, где саперы вели работу. Много ребят погибло. У меня и Семена была одна мысль: живыми дойти до НП. Когда прибыли на место, то описать на кого мы были похожи очень трудно – просто комок грязи. На НП были командиры и разведчики всех полков, в том числе командир дивизии. Подошел к нам комбат Стефанцов и сказал: «Ну и в карусель же вы попали! Страшно было?». Семен молчал, он же мужчина, а я ответила: «До смерти!». И каким-то нечеловеческим голосом крикнула: «У меня 22 апреля день рождения, я хочу жить! Жить хочу!».

[...] Последние дни войны. Начало мая. В одном большом доме, где наши разведчики-артиллеристы вели наблюдение через стереотрубу, я тоже смотрела в стереотрубу. Отлично было видно, как фашисты выбегали из домов, бежали, что-то руками показывали в небо. Одновременно высоко в небе показалась наша авиация, шли бомбить гада. И вдруг слышу надрывный голос, кричал офицер летного полка: «Вовка, Вовка! Что ты делаешь? Как ты зашел? Ты же нашу пехоту бьешь!». Ужасно было больно в душе. Были такие серьезные ошибки, все было на фронте. А потом привели пленного офицера – языка. Ох, сколько было ненависти и зла у меня. Так бы подошла и дала по морде ему за все, за всех живых и мертвых, да нельзя. Вскоре пришел наш офицер-переводчик. Сам из себя высокий, быстрые умные глаза, молодой, лет 25, фамилию не знаю, к моему сожалению. Разведчики говорили между собой про пленных, и было у них большое горе, погиб товарищ в этой операции. Пленный сидел на чурбане, а нашему офицеру стул дали.

Дороги фронта нас бросали в Польшу, Венгрию, Чехословакию. И наконец-то Победа!

Помню этот день. Мы шли маршем, была дана команда на привал. День жаркий, солдаты усталые, грязные, пыльные. Кто сидел, а кто лежал

на обочине дороги. И вдруг скачет верховой с криками: «Победа, Победа!».

Настал долгожданный счастливый час. Описать чувства тех дорогих для меня людей, с которыми пережила все ужасы, тяготы войны, с которыми прошла дорогами смерти, страха и счастья, я просто не могу, это надо все пережить. Это надо все своим сердцем прочувствовать, до глубины души, тогда только можно понять, оценить счастливый час, каждого солдата, каждого командира, как он воспринимал его в этот миг. Выражение лица, движения, все целовались, объятия со всех сторон, кричали, из автоматов в воздух салютовали, и только было слышно: «Победа! Победа!».

Ко мне подошел Волошин, ему за 50 лет было. Обнял меня и плача говорил: «Доченька, мы победили фашиста! Мы живы! Мы счастливы! Мы придем домой!».

Да, действительно, каждый солдат, каждый командир отдал свои неценные силы для нашей Победы. И это мог сделать солдат – человек Советской страны. Но для нас война дорогами смерти шла почти еще неделю. Война кончилась, а боевые друзья гибли. И как наши сердца тогда могли все это пережить. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 2, л. 11-19. Подлинник. Рукопись.